

И. С. Криштоп, кандидат филологических наук, доцент
Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
ул. Войкова, 21, 225404 Барановичи, Республика Беларусь, inessa_top@mail.ru

ЭКОЛОГИЯ ПРИРОДЫ КАК ОБЪЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ МОДЕРНИСТОВ

В статье рассматривается специфика художественного осмысления экологической проблематики представителями модернизма. Установлено, что они первыми осознали парадокс прогресса, который привел не к гармонии, а к отчуждению человека от природы. Поэтому в творчестве модернистов акцент смещается с описания природных объектов на ценностные установки героев; городское пространство становится воплощением пустоты и разрушения; индустриализация, технологии и бюрократия воспринимаются как силы, которые навязывают чуждый или искусственный ритм жизни, подчеркивая конфликт между живой природой и техногенной цивилизацией; ностальгия по прошлому лишается сентиментальной коннотации. Кроме того, для восстановления целостности человека в условиях крушения морально-этических норм и религиозных догм модернисты искали в хтонических силах природы источник новой сакральности и мифологии.

Ключевые слова: модернизм; экокритика; природа; духовный кризис; отчуждение.

Библиогр.: 19 назв.

I. S. Kryshchop, PhD in Philology, Associate Professor
Institution of Education “Baranavichy State University”,
21 Voykova Str., 225 404 Baranavichy, the Republic of Belarus, inessa_top@mail.ru

ECOLOGY OF NATURE AS AN ARTISTIC CONCEPTUALIZATION OBJECT IN MODERNIST LITERATURE

The article examines the specific characteristics of the artistic conceptualization of ecological issues by modernists. It is proved that they were the first to recognize the paradox of progress — a phenomenon that led not to harmony, but to the alienation of humanity from nature. As a result, in their fiction the emphasis shifts from the description of natural objects to the characters' value systems; urban space becomes the embodiment of emptiness and destruction; industrialization, technology, and bureaucracy are perceived as forces that impose a strange or artificial rhythm of life, thereby underscoring the conflict between living nature and mechanical civilization; nostalgia for the past is stripped of its sentimental connotations. Furthermore, to restore human wholeness amidst the collapse of moral-ethical norms and religious dogmas modernists looked for a source for both new sacredness and mythology in the chthonic forces of nature.

Key words: modernism; ecocriticism; nature; spiritual crisis; alienation.

Ref.: 19 titles.

Введение. XX век по праву называют временем научно-технических прорывов. Описание теории Большого взрыва и структуры элементарных частиц, освоение ближайшего космического пространства и автоматизация промышленного производства, исследование процессов управления в живых организмах и увеличение средней продолжительности жизни человека, внедрение персональных компьютеров и Всемирной сети кардинальным образом изменили не только быт, но и трансформировали систему этико-эстетических ценностей людей. При этом, как подчеркивают Т. А. Орешкина и В. А. Коняшкин, техногенная цивилизация «не только вошла в противоречие с биосферными процессами, но и сформировала... экофобную систему ценностей» [1, с. 134], в основе которой — восприятие человеком окружающей среды исключительно как источника материальных ресурсов.

Тем не менее в предыдущем столетии интенсификация индустриальных, урбанизационных и технических процессов, обусловивших преобразование нетронутой когда-то природы, сопровождалась выдвижением требования о соблюдении социально-экологического равновесия.

Значимым становится постулат П. Флоренского о неразрывной связи человека и окружающего мира: «Насилюя Среду, Человек насилюет себя и, принося в жертву своей корысти Природу, приносит себя самого в жертву стихиям, движимым его страстями» [2, с. 440—441]. Со временем сформировалось понимание истинной причины дисбаланса — «реально обнаруживающийся недостаток нравственного смысла» [3, с. 12]. Философ и культуролог М. С. Каган указывает, что «поиски путей выхода из состояния экологического кризиса, которые все более настойчиво предпринимаются в наше время, приводят к выводу, что в разрешении противоречий между необходимостью сохранения природы и интересами развития материального производства огромная роль принадлежит эстетически целенаправленной художественной деятельности» [4, с. 311—312].

Цель данной работы — определить основные тенденции в художественном осмыслении взаимоотношений человека и природы в литературном творчестве ключевых представителей модернизма.

Материалы и методы исследования. Материалом для исследования выступили знаковые произведения зарубежной литературы XX века, в которых, помимо онтологических, аксиологических, социально-исторических и иных аспектов, авторы обращают внимание на взаимоотношения человека и природы. Для анализа литературного творчества используются положения в области экокритики таких ученых, как Т. Мортон [5], С. Крапс, Р. Крауншоу [6], Р. Никсон [7], Л. Бьюэлл [8] и др. Так как произведения рассматриваются в неразрывной связи со внешними по отношению к ним факторами (исторической эпохой, культурной средой и литературным контекстом), то в основу исследования положены принципы историко-контекстуального подхода [9, с. 118—119].

Результаты исследования и их обсуждение. В XX веке техника позволила человеку создать вторую — искусственную — среду. При этом, как констатирует К. Ясперс, «под воздействием действующего в технических условиях человека природа становится подлинным его тираном. Возникает опасность того, что человек задохнется в своей второй природе, которую он технически создает, тогда как по отношению к непокоренной природе, постоянно трудясь в поте лица, чтобы сохранить свое существование, человек представлялся нам сравнительно свободным» [10, с. 115]. Модернисты одними из первых обратили внимание на этот аспект. Они также показали, что технический прогресс и войны XX века нанесли природе урон, который отразился в первую очередь на внутреннем мире человека. Поэтому урбанистические пейзажи, ритм большого города, технические механизмы как маркеры индустриальной эпохи выступают важными составляющими в творчестве представителей «новой» культурной реальности.

Примечательно, что центральным образом модернизма становится мертвая или пустая земля — «каменистая пустошь», всесторонне описанная в поэме Т. Элиота «Бесплодная земля» (*The Waste Land*, 1922) [11]. Будучи символическим отражением духовного и культурного кризиса послевоенной Европы, мертвая земля подчеркивает чувство глубокого отчуждения между человеком и природной средой: «...сын человека, / Ты не скажешь, не угадаешь, ибо узнал лишь / Грудю поверженных образов там, где солнце палит, / А мертвое дерево тени не даст, ни сверчок утешенья...» [11]. Эта идея поддерживается и образами воды, которая либо загрязнена, либо отсутствует, либо несет смерть. Например, Т. Элиот пишет, что Темза, оскверненная отходами человеческой деятельности, теряет свою живительную силу: «Река потеет / Нефтью и смолой» [11]. Помимо этого, автор подчеркивает нарушение естественных природных циклов возрождения и увядания. Так, апрель трансформируется в «жесточайший» месяц, который приносит лишь боль, «пробуждая / Память и страсть» [11].

Городской пейзаж в поэме «Бесплодная земля» лишен естественной зелени: он состоит из камней, грязи и тумана: «Нет здесь воды всюду камень / Камень и нет воды и в песках дорога» [11]. Очевидно, что Т. Элиот констатирует глубокую взаимообусловленность культуры, духовности и природной среды: утрата морально-этических ценностей является одним из наиболее существенных факторов надвигающегося экологического коллапса. Кроме того,

Т. Элиот с помощью сложной структуры, состоящей из элементов мифов и символов, утверждает фундаментальную истину: нельзя возродить землю, не исцелив человека. Написанную на санскрите заключительную строку поэмы “*Datta, Dayadhvam, Damyata*” ‘Давать, Сострадать, Владеть собой’ [11] можно рассматривать как вариант экологического императива, сформулированного знаменитым англо-американским автором.

Исследователь художественной литературы первой половины XX века Дж. Шустер утверждает, что для представителей «нового искусства» город стал «лабораторией» для изучения жизни, протекающей «на пересечении технологий, биологии и деградирующей среды» [12, с. 45]. Общеизвестно, что Дж. Джойс не был писателем-экологом, но пристальное внимание к проблемам проживания в городской среде делает произведения ирландского автора благодатным материалом для экокритического анализа. В первую очередь следует отметить, что в сборнике «Дублинцы» (*Dubliners*, 1914) индустриализация, социальная стагнация и культурная застенчивость сливаются в единый городской образ: пространство ирландской столицы пронизано фабричным шумом, запахами пыли, плесени и разложения отходов. Цветовая палитра городского пейзажа — уныло-коричневая и серая. Этим подчеркивается как экологический, так и моральный упадок.

В романе Дж. Джойса «Улисс» (*Ulysses*, 1922) также преобладают описания мрачных улиц и зданий Дублина, монотонных звуков машин и грязи канализации. При этом природа существует внутри города в виде цветов на стенах, птиц, капель дождя, а также становится частью воспоминаний и ассоциаций героев. Например, в главе «Протей» Стивен Дедал размышляет о «слизисто-зеленом море» и о постоянном процессе распада и становления в природе — он ощущает себя частью этого бесконечного круговорота. В главе-эпизоде «Лестригоны» Леопольд Блум задумывается о процессе пищеварения на фоне грязных улиц. Таким образом, экологическая проблематика в произведениях Дж. Джойса представлена не в виде панорамных описаний идиллической природы, а посредством изображения урбанистического ландшафта, в котором границы между человеком и средой, внутренним и внешним, культурой и природой размыты.

В прозе Ф. Кафки, помимо исследования проблем одиночества и отчуждения человека, представлено и осмысление тех социально-культурных тенденций, которые, на наш взгляд, лежат в основе современного экологического кризиса. Писатель разрушает представление о человеке как о высшем существе, по отношению к которому природа вторична, помещая своих героев в пограничные состояния между человеком и животным. При этом «гибридные существа» в творчестве Ф. Кафки не просто аллегории или символы человеческих состояний, заставляющие задуматься об парадоксах бытия, но и указание на «нестабильность и неоднозначность границы между человеческим и нечеловеческим» [13, с. 104]. Более того, Ж. Делёз и Ф. Гваттари в работе «Кафка: за малую литературу» пишут, что именно животное в литературном наследии Ф. Кафки обозначает попытку воссоединиться с окружающим миром — «найти выход, прочертить линию ускользания» [14, с. 44], которая «составляет часть машины. Внутри или снаружи, животное составляет часть машины-норы» [14, с. 11].

Следует признать, что существует множество интерпретаций повести (новеллы) Ф. Кафки «Превращение» (*Die Verwandlung*, 1912): в ней видят библейские аллюзии, психоаналитические мотивы, отсылки к биографии писателя [15]. Однако в соответствии с принципами экокритики превращение Грегора Замзы в огромное насекомое можно рассматривать как сдвиг перспективы, позволяющей взглянуть на человеческий мир с точки зрения не-человеческого существа. При этом Ф. Кафка подчеркивает, насколько восприятие человеком окружающего мира обусловлено его физической формой: подробные описания трудностей главного героя (как он учится управлять своими многочисленными ножками, как застревает в дверном проеме, как рана от брошенного отцом яблока становится причиной его гибели) подчеркивают хрупкость и уязвимость живых существ. Кроме того, члены семьи Грегора демонстрируют типично антропоцентрическую реакцию: вместо сочувствия родственники испытывают отвращение — они видят в огромном насекомом проблему, от которой нужно избавиться.

Анализируя философский роман «Замок» (*Das Schloss*, 1926), литературовед Р. Торранс отмечает, что в произведении Ф. Кафки природный ландшафт перестает быть только частью материального мира: городские или сельские пространства определяются «иррациональной логикой недостижимой власти. Это духовный ландшафт, полностью сконструированный и отчужденный от какой-либо органической основы» [16, с. 112]. Следовательно, деревня у подножия Замка может рассматриваться не как образец природного пейзажа, а символ безысходности, порожденной властью, попытки пробиться сквозь снег и туман к «вытянутому строению» — как борьба с системой, которая использует природные явления для укрепления иерархических отношений. Таким образом, природная символика и особая взаимосвязанность человека и не-человеческих существ в творчестве Ф. Кафки становятся инструментами порицания абсурдного и обезличенного контроля, лишаящего людей смысла бытия.

М. Пруст предлагает уникальный взгляд на экологическую проблематику в произведении, ставшем одним из самых значительных явлений в литературе XX века. В его романе-эпопее «В поисках утраченного времени» (*À la recherche du temps perdu*, 1909—1927) представлено глубокое исследование того, как природная и «искусственная» среды формируют человеческое восприятие, память и самоощущение. Следовательно, экологические взгляды М. Пруста концентрируются вокруг особенностей восприятия, а не трансформации окружающего мира человеком: отдельные природные объекты — цветы, деревья, море — становятся стимулом для сложнейших мыслительных процессов, своеобразными точками концентрации комплекса эстетических и почти религиозных переживаний и воспоминаний Рассказчика. Например, описание боярышниковой аллеи превращается в источник детских воспоминаний, а море в Бальбеке — символ времени, вечности, чистоты восприятия и одиночества. При этом морское пространство противопоставляется суетному светскому обществу и стирает границу между душевным состоянием героя и внешним миром стихии: Рассказчик часами наблюдает за водной стихией, и его собственное настроение, мысли и чувства вступают в диалог с состоянием моря. Э. Массон указывает, что в произведении М. Пруста «субъект не предшествует своему опыту взаимодействия с миром, а рождается в нем. Сознание Рассказчика буквально соткано из его чувственных встреч с боярышником, морем, вкусом “мадлен”. Его “я” не находится в мире, оно является частью мира» [17, с. 92]. Таким образом, М. Пруст констатирует, что человеческая личность не является автономной и замкнутой — она находится в постоянном материальном и чувственном взаимодействии с окружающей средой.

Центральным для понимания экологических взглядов У. Фолкнера, на наш взгляд, является образ Большого леса, изображенный в сборнике «Сойди, Моисей» (*Go Down, Moses*, 1942). В художественной концепции американского автора лес представлен как некое мистическое место, нетронутое цивилизацией, однако постепенно утрачивающее свою красоту в результате промышленного развития. Символическое пространство леса, обладающего собственной моральной силой, противопоставляется алчному миру людей: лес в трактовке американского модерниста — это пространство, где человек остается наедине с совестью, осознает ответственность за свои действия, в том числе за грехи предков (рабство на территории США), учится «состраданию, чувству справедливости и прощению» [18, с. 178]. Помимо этого, в повести «Медведь» ритуальная охота на старое животное по имени Старый Бен знаменует приобщение к природе: чтобы выследить медведя, юный Айк Маккаслина отказывается от часов, компаса и даже такого атрибута цивилизации, как ружье. Эти действия можно рассматривать как символ смирения людей перед величием природы и понимания истины, которая доступна человеку с чистой душой. Один из основоположников экокритики Л. Бьюэлл отмечает, что У. Фолкнер изображает «процесс, посредством которого ландшафт превращается из простого окружения в морально значимый мир», так как для Айка лес становится «текстом, который учит его этике, недоступной в мире человеческих законов и собственности» [8, с. 154]. Как результат, протагонист отказывается от наследства — земли. Он осознает, что она была нечестно отнята у индейцев, а ее плодородие основано на рабском труде.

Отметим преобладание в произведениях американского писателя глубокого пессимизма по отношению к индустриализации и техническому прогрессу, которые разрушают традиционный уклад и связь человека с землей. Так, изображение пересекающей лес железной дороги в повести «Медведь» (*The Bear*, 1942) выступает маркером необратимого вторжения цивилизации в сакральное пространство дикой природы. Также на страницах «Йокнапатофского цикла» автор противопоставляет носителей традиционной этики Компсонов и Сарторисов Сноупсам, которые становятся примерами бездуховного, потребительского отношения к миру, включая природу. Например, Флем Сноупс и представители его клана не обрабатывают землю, а эксплуатируют ее и людей ради материальной прибыли.

Важно отметить, что экологический кризис в прозе У. Фолкнера социально обусловлен. Американский автор неизменно указывает на рабство как одну из причин нарушения гармонии человека и природы. По мнению писателя, первородный грех Юга обусловлен не только порабощением человека человеком, но и отношением к земле как к товару, который можно в любой момент купить, продать или бездумно эксплуатировать. Соответственно, мотив «проклятия земли» проходит через многие произведения. Например, в романе «Авессалом, Авессалом!» (*Absalom, Absalom!*, 1936) Томас Сатпен создает свою плантацию на месте дикой природы вопреки всем морально-этическим нормам, и это не приносит ему благополучия. Кроме того, смерть членов его семьи можно рассматривать как следствие нарушения экологического равновесия, так как земля, оскверненная насилием, не может принести процветания и счастья. Как отмечает Э. Фишер-Уэрт, американский писатель «не идеализирует аграрный Юг; он видит его трагические изъяны, связанные с расизмом и патриархатом». Однако он «оплакивает утрату глубокой, пусть и мучительной, связи с землей, которую заменяет коммерция. В основе его экологической позиции — скорбь по утраченному миру» [19, с. 92]. Очевидно, что У. Фолкнер указывает на отчуждение человека от природы, функция которой сузилась до материального ресурса. Автор также подчеркивает неразрывную связь социального зла (рабства, расизма и иных форм неравенства) и экологического кризиса. При этом для самого писателя дикая природа оставалась высшей моральной и духовной ценностью.

Заключение. Осознание модернистами того, что приобретенный в ходе культурно-исторического развития потенциал привел не к освобождению человека от природных закономерностей, а к разрушению самих основ земной жизни, послужило стимулом для художественного осмысления путей существования природы и человека. В их произведениях представлена эстетическая рефлексия над проблемой сохранения жизни на Земле, при этом на первый план выдвигаются как ценностные и поведенческие ориентации человека в отношении к природе, так и его внутренние переживания. В книгах Т. Элиота, Дж. Джойса, Ф. Кафки, М. Пруста и У. Фолкнера анализируются глубинные причины деградации природной среды: разрыв человека со своей «животной» сущностью, создание пространств и систем, подавляющих, а не порождающих жизнь. Можно констатировать, что писатели-модернисты показали, что экологический коллапс начинается с кризиса внутри самого человека, который, замыкаясь в городской среде и/или собственном сознании, теряет онтологическую связь с природой. Также представители «нового искусства» фиксируют момент глубокого экологического отчуждения, когда природа перестает быть Домом.

Список цитируемых источников

1. Орешкина, Т. А. Экологическое сознание и экологические дискурсы цивилизации / Т. А. Орешкина, В. А. Коняшкин // Ойкумена. — 2018. — № 4. — С. 133—144.
2. Флоренский, П. А. Макрокосм и микрокосм / П. А. Флоренский // Сочинения : в 4 т. / П. А. Флоренский ; сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. — М. : Мысль, 2000. — Т. 3 (1). — 621 с.
3. Хрусталева, Ю. М. Новая этика современной жизнедеятельности / Ю. М. Хрусталева // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. — 2012. — № 1. — С. 6—15.
4. Каган, М. С. Морфология искусства: Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств / М. С. Каган. — Л., 1972. — 440 с.

5. *Morton, T.* Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World / T. Morton. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 2013. — 240 p.
6. *Craps, S.* Introduction: The Rising Tide of Climate Change Fiction / S. Craps, R. Crownshaw // *Studies in the Novel*. — 2018. — Vol. 50, no. 1. — P. 1—8.
7. *Nixon, R.* Slow Violence and the Environmentalism of the Poor / R. Nixon. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 2011. — 368 p.
8. *Buell, L.* The Environmental Imagination: Thoreau, Nature Writing, and the Formation of American Culture / L. Buell. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1995. — 598 p.
9. *Гугнин, А. А.* Научная школа «Историко-контекстуальный метод в изучении мировой литературы» / А. А. Гугнин // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. — 2018. — № 2. — С. 117—119.
10. *Ясперс, К.* Истоки истории и ее цель / К. Ясперс // Смысл и назначение истории / К. Ясперс ; пер. с нем. — М., 1991. — С. 28—287.
11. *Элиот, Т. С.* Бесплодная земля / Т. С. Элиот // Полые люди / Т. С. Элиот. — СПб. : Кристалл, 2000. — URL: https://lib.ru/POEZIQ/ELIOT/eliot1_03.txt (дата обращения: 01.03.2026).
12. *Schuster, J.* The Ecology of Modernism: American Environments and Avant-Garde Poetics / J. Schuster. — Tuscaloosa : University of Alabama Press, 2015. — 232 p.
13. *Ласкина, Н. О.* Метаморфозы (не)человеческого: кафкианское монструозное в современных отголосках / Н. О. Ласкина // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. — 2024. — № 4. — С. 104—125.
14. *Делёз, Ж.* Кафка: за малую литературу / Ж. Делёз, Ф. Гваттари ; пер. с фр. Я. И. Свирского. — М. : Ин-т общегуманитар. исслед., 2015. — 112 с.
15. *Турышева, О. Н.* Сюжет перехода в новелле Ф. Кафки «Превращение» / О. Н. Турышева // Научный диалог. — 2020. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhet-perehoda-v-novelle-f-kafki-prevraschenie> (дата обращения: 29.03.2026).
16. *Torrance, R. M.* The Spiritual Quest: Transcendence in Myth, Religion, and Science / R. M. Torrance. — Berkeley : University of California Press, 1994. — 367 p.
17. *Masson, E.* The Flesh of the World: Proust and Phenomenological Perception / E. Masson. — Oxford : Oxford University Press, 2014. — 280 p.
18. *Татарина, Л. Н.* Феномен старости в художественном мире Уильяма Фолкнера / Л. Н. Татарина, А. В. Татарин // *Litera*. — 2018. — № 4. — С. 175—181.
19. *Fisher-Wirth, A.* Faulkner and the Matter of the Land / A. Fisher-Wirth // *Faulkner and the Natural World* / ed. by D. M. Kartiganer, A. J. Abadie. — Jackson : University Press of Mississippi, 1999. — P. 84—109.

Поступила в редакцию 08.06.2026.